

*Низкий поклон до жути гениальным
разработчикам Windows 10.
Вот просто дай вам Бог здоровья!*

Глава 1

Не все, кто бродит, заблудились.

*Дж. Р. Р. Толкин,
«Братство Кольца»*

~ Сиенна ~

Я заблудилась.

Я заблудилась с концами. У меня даже дыхание перехватило, настолько безнадежно я заблудилась. Не попала ли я ненароком в иное измерение, где мне никогда не стать найденной «потеряшкой»? Уже больше часа мне не попадалось ни одной машины, не говоря уже о пешеходах.

Возможно, я последний живой человек, оставшийся на Земле, — всех остальных похитили инопланетяне. А я заблудилась так, что меня даже инопланетяне не нашли.

Ну и ладно, ну и пусть альтернативная реальность или похитители тел — мне уже все равно. А когда я впадаю в отчаянье, я плачу.

И сейчас я еле сдерживала слезы. Ненавижу в себе эту черту — близкие слезы.

Вот почему я свернула в своей малюсенькой прокатной машинке к обочине, как только заметила впереди небольшой просвет. Вести машину и плакать все равно что кушать и плакать или заниматься сексом и плакать: странно, мокро (не в хорошем смысле) и опасно.

Я постаралась не обращать внимания, что упомянутый просвет выглядит подозрительно знакомо. Я почти не сомневалась, что останавливалась на этом самом месте час назад в тщетной попытке сориентироваться по бумажной карте, теперь лежавшей смятой на пассажирском сиденье. Именно с этой картой мне снова придется сверяться, причем, вероят-

но, с тем же результатом — еще два часа кататься туда-сюда по горному серпантину в забытой богом глуши.

Успокоительные вздохи вырывались из меня истерическим сопеньем. Я схватила с сиденья карту и потрясла ее, порадовавшись громкому шуршанию мнущейся в руках бумаги. Откашлявшись, я яростно уставилась на карту и продолжала не менее яростно глядеть на нее.

Я не сомневалась, что карту составляли древние египтяне-мазохисты, потому что она была изрисована иероглифами и нечитаемыми закорючками.

Я обругала карту:

КЛЯНУСЬ СОСКАМИ МОТРЫ, КАК ЖЕ Я НЕНАВИЖУ ЭТУ ДРЯНЬ!

Иррациональный гнев вскипел и перелился через край: я думала только о том, как убить эту карту. Я покажу ей, кто здесь начальник!

Я здесь главная!

А не зловедная путаная адская карта!

Мне ничего не оставалось, как только лупить картой по рулю, сипя от бешенства и извергая многоэтажные проклятья, которыми возгордился бы мой папа-морпех. А может, и немного покраснел бы.

Я открыла дверцу, все еще готовая рвать и метать, врезала по машине картой, бросила ее на дорогу, потом начала топтать ее и подбрасывать вверх и вообще куражилась над ней всеми мыслимыми способами. Мне неловко признаться, но в своем ослеплении я обидно насмеялась над картой, подвергала сомнению ее потенцию, показывала ей средний палец и ругательски ругала по-испански и по-английски.

Это была максимальная кардионагрузка, какую я выполняла больше чем за год.

Тупая карта, заставившая меня заняться кардионагрузкой! Я убью тебя!

Ощущение, что я не одна, возникло у меня не сразу. Уголком глаза я заметила, что мимо моего брейк-данс-нападения на карту проехал пикап, но не придала этому значения. Двадцать минут назад я бы замахала руками или увязалась бы за грузовичком, но сейчас я была побагровевшая, с хлюпающим носом и мокрая от пота. Меньше всего мне нужно,

чтобы фотографиями моей багровой, сопливоносой и потной физиономии пестрел весь интернет... снова.

Однако пикап вернулся. Хруст гравия под покрышками отвлек меня от приступа ярости.

Вот черт...

Я глубоко вдохнула, чтобы успокоиться, прислонилась к машине и закрыла глаза. Нужно срочно сгрести в кучу свою харизму, заиграть ямочками на щеках и начать источать очарование.

В тот момент я почти пожалела, что не взяла с собой сестру, которая еще и мой весьма эффективный менеджер. Но нет, мне приспичило покоя и одиночества, атмосферы безмятежности и уединения. Мир, видите ли, стал слишком шумным, студии — слишком требовательными, а камеры папарацци просто не давали вздохнуть.

За прошлый месяц в мой лос-анджелесский дом залезали четыре раза, из них три — чересчур ретивые поклонники, а четвертый раз репортерша, которая рылась в моих вещах в поисках чего-нибудь пикантного. Но у меня не нашлось ни грязи, ни шума, ни даже песка и пыли. Моя жизнь — открытая книга.

Вот почему я не позволила сестре сопровождать меня и даже свою охрану оставила в Ноксвилле. А теперь я заблудилась. Я мечтала отдохнуть от того, что я — Сиенна Диас. Может, будь у меня нормальная карта или природное чутье, отдых не превратился бы в химеру, но теперь...

Скосив глаза, я через плотную завесу темных волос попыталась разглядеть неизвестного за рулем (меня интересовало, фотографируют меня или нет). А потом заметила автомобильные прожекторы на крыше и эмблему на капоте и дверцах.

Машина оказалась служебной. Человек за рулем, вылезавший на дорогу и снимающий темные очки, тоже находился на службе и был облачен в форму — со шляпой и ремнем с карманами. Официальное лицо!

СПАСИБО ТЕБЕ, ВСЕЛЕННАЯ!!!

Отбросив волосы со лба, я вытерла ладонями мокрые щеки и лоб, вздохнув с облегчением от того, что не потребовалось спешно включать свое очарование или харизму.

Представители охраны порядка обычно не снимают любительское видео на мобильные телефоны, в противном случае их увольняют за нарушение профессиональной этики. Я могла оставить все мои метафорические маски на земле, рядом с лохмотьями сатанинской карты.

Выпрямившись, я повернулась к незнакомцу и увидела, что он замедлил шаг. Я не сомневалась, что он меня узнал: его удивление почти сразу сменилось явным интересом. Я улыбнулась краешками губ, давая ему время оправиться от шока, однако это не потребовалось — госслужащий быстро пришел в себя и скрыл удивление заинтересованным вниманием с толикой нахальной самоуверенности. Левая бровь незнакомца чуть приподнялась, взгляд прошелся по моему телу, а губы подозрительно сжались в ниточку, выдавая сдерживаемую улыбку.

Наконец он перестал сдерживаться и широко ухмыльнулся.

— Добрый вечер, мэ, — сказал он приятным густым баритоном с приятным же густым акцентом и даже приподнял шляпу.

И вот тогда до меня дошло, что Улыбчивый Госслужащий просто неотразим.

Шесть с лишним футов роста, веселые глаза, осененные густыми ресницами, каштановая бородка, прикрывающая четко очерченный, волевой подбородок. Возможно, не все сочли бы его, что называется, зайкой: большинство женщин назвали бы его очаровательным прохвостом, но после пяти лет в Голливуде все красивые мужчины автоматически попадали у меня в безобидную категорию обаяшек.

В начале своей актерской карьеры я встречалась со многими парнями, для которых природа не поскупилась на внешность. Были у меня и невысокие красавцы, и высокие красавцы, и мускулистые красавцы, и стройные красавцы, и даже чувственно-пышные красавцы — я перепробовала все их виды. Но со временем обнаружилось — чем красивее мужчина, тем чаще он ведет себя как избалованный, беспомощный ребенок.

К тому же я просто не могла себе позволить отношения, ведь на первое место я обязана ставить карьеру. Как не уста-

вала напоминать мне моя сестрица, если я хочу поддержать свой успех, то не должна тратить время на красивых парней. И вообще на парней как таковых.

Я коротко кивнула в ответ на вежливое приветствие местного красавца. Некстати повеявший ветер означал, что мне снова придется откинуть волосы с лица.

— Здорово, напарник! — бухнула я и невольно поморщилась, потому что вышло вовсе не весело, а жутко неловко. Но мне позарез требовалась помощь, а судя по внешности незнакомца, многого от него ждать не приходилось. Я горячо молилась, чтобы он не оказался наиболее неприятным подвидом красавцев — с руками из задницы.

В свою защиту могу сказать, что я не стала договаривать, как собиралась: *«Кто-то отравил колодец»*.

Губы незнакомца сжались, будто он боролся со смехом.

Я немного напряглась — никогда не угадаешь, как реагируют люди. Меня часто просят сказать какую-нибудь из пошедших в народ киноцитат, но сейчас я заблудилась, жутко проголодалась, очень хотела в душ, а незнакомец был слишком хорош, чтобы я выдала: *«Я сделаю тебе сэндвич, если ты сделаешь меня женщиной»* и *«Некоторые любят по-толще»*.

Однако вместо того, чтобы попросить у меня автограф или сообщить, как ему понравилась моя последняя роль младшей сестры-толстушки и по совместительству ходячей катастрофы, мой собеседник кашлянул, снова надел свою ковбойскую шляпу и осведомился:

— Мэм, вам нужна помощь?

— Да! — Я инстинктивно рванулась вперед и схватила его за локоть.

Красавец или нет, но он охраняет всякую живую тварь в этом море одинаковых горных дорог. Незнакомец проследил за моим движением, сфокусировав взгляд на руке, вцепившейся в его рукав. Не заботясь о том, что голос наверняка выдает глубину моего отчаянья, я взмолилась:

— Пожалуйста! Я вконец заблудилась. Навигатор отказал, я битых три часа катаюсь по этой дороге туда-сюда. Мобильный не ловит. Бензин почти кончился. Я в такой... так чудовищно заблудилась! Вы мой герой!

На этом он немного выпрямился и ответил спокойно и ободряюще, накрыв мою руку своей и ласково потрепав. Тепло, размер, загрубелость и тяжесть его руки тоже вселяли бодрость, как по волшебству.

Меня еще никогда так успешно не ободрял красивый мужчина.

Это оказалось очень приятно.

И странно.

— А куда вы направляетесь? — мягко спросил он.

— Я пытаюсь отыскать место под названием Бандитское озеро, и если вы меня туда проводите, я отдам вам все, что пожелаете, в том числе карту, написанную иероглифами!

Я заметила, что незнакомец прищурился, услышав, куда я еду.

— Бандитское озеро?

— Совершенно верно, — кивнула я.

— У вас там дом?

— Не у меня, а у моего знакомого, Хэнка Уэллера. Я сняла его дом на несколько недель.

— Хэнка? Вы знаете Хэнка?

Я снова кивнула:

— Да, офицер. Мы вместе учились в колледже.

— Я не полицейский, мисс. Я рейнджер национально-го парка.

Я пригляделась к его форме — точно, зеленая, а не синяя — и пожала плечами. Мне все равно, какую службу он представляет, лишь бы выбраться из этой Сумеречной зоны, прежде чем заиграет банджо и появятся кровожадные горцы во фланелевых рубашках.

— Оу. Хорошо. Тогда как к вам обращаться? Мистер рейнджер?

Он прикусил губу, еле удержав смех, и сжал мою руку.

— Можете называть меня Джетро, мисс. Значит, у вас заканчивается бензин?

— Вас зовут Джетро?

— Воистину так.

Я долго смотрела на него, чувствуя, что это имя ему не совсем подходит, какое-то оно не статусное. Будь он занят в киноиндустрии, ему пришлось бы брать псевдоним вроде

Кейна, или Дина, или Кейна Дина. Что-нибудь покороче — легко запомнить — и попроще, чтобы не перевернуть в слухе чего.

По моему опыту, красавцы обычно не ладят с орфографией и плохо запоминают длинные слова.

— Сколько у вас бензина, говорите? — снова спросил Джетро.

— Лампочка мигает. Иду на последних каплях.

— Это ничего. — Теплая улыбка не уходила из его глаз. — Я довезу вас до озера, а вашу машину мы заправим и доставим позже.

— Как «Джетро Талл»¹?

— Простите?

— Я говорю, вас назвали Джетро в честь «Джетро Талла»?

Заинтересованный взгляд прошелся по моему лицу, и мой собеседник ухмыльнулся. Снова. На этот раз еще шире.

— Нет, как Иофора, тестя Моисея из Ветхого Завета. Сумки у вас есть, мисс?

Он еще раз ободряюще пожал мне руку и отпустил, шагнул к моей машине, так и стоявшей открытой, и вынул ключ из зажигания.

— Сумки?

— Вещи.

— Целая тонна, — фыркнула я. — Но не волнуйтесь, я от этого лечусь.

И засмеялась своей шутке.

Симпомпончик Джетро выпрямился и вопросительно приподнял брови, глядя на меня:

— Простите?

Видя, что он не уловил — или не расслышал — юмора в моей попытке пошутить, я перестала смеяться и откашлялась.

Когда я нервничаю, смущаюсь или грущу, то начинаю хохмить. Это моя особенность, реакция организма. Кто-то даже назовет это навязчивой привычкой. Я словно пытаюсь сказать: «Эй, вот вам пицца для ума, сосредоточьтесь на ней,

¹ Jethro Tull — британская рок-группа (*Прим. ред.*).

а не на мокрых пятнах у меня под мышками и не на том, как раздуваются мои ноздри!»

Только теперь я поняла, что рейнджер Джетро пробуждает во мне непонятный трепет, что казалось необъяснимым и странным. Раньше я не сомневалась, что мой последний бойфренд станет пожизненной прививкой против чар красавцев.

Этого еще не хватало...

Я обвинила в этом недавнюю кардионагрузку.

Удастся шутка или нет, целиком зависит от выбора момента. В своей карьере я очень рано научилась не повторять шуток, хотя и грустила по неслышанным и неразделенным хохмам: для меня это сродни комедийному эквиваленту разбрасывания жемчуга перед некоторыми животными.

Черт бы их побрал, животных.

— Извините. Вещи в багажнике, — я показала большим пальцем за плечо и заправила волосы за уши, решив пореже раскрывать рот.

Взгляд Джетро задержался на моем лице, оставаясь теплым и даже восхищенным. Мы долго глядели друг на друга. А потом снова долго глядели. Я ждала.

Зачирикала какая-то птица.

Ветер зашелестел в кронах.

А Джетро все смотрел.

По выражению его глаз, мечтательному и игривому, я даже подумала, уж не супер ли поклонник мне попался. А может, Джетро еще никогда не встречал знаменитостей? Как бы там ни было, ему надлежало пошевеливаться, потому что мне требовалось в туалет. Я не желала писать за большим деревом с краю усыпанного гравием «кармана», потому что уже писала за ним больше часа назад, когда в первый раз наткнулась на этот просвет.

Я уже хотела снова пошутить, но Джетро моргнул, и чары рассеялись. Он коротко кивнул, нагнулся к рулю и открыл багажник. Я повернулась и пошла доставать сумки.

Но Джетро меня опередил: он сунулся в багажник, не успела я толком приподнять крышку, и схватил мои чемодан и сумку.

— Позвольте мне, — сказал он, прося в мой адрес очередной широкой ухмылкой.

— Зачем это, я в состоянии поднять свой багаж...

— А у нас услуги по спасению в полном объеме, мисс. — Выпрямившись, рейнджер Джетро поставил мой огромный, фунтов восемьдесят весом, чемодан на гравий, а дорожную сумку забросил на плечо. Вместо того чтобы катить чемодан, он поднял его за ручку и понес к пикапу.

Я нахмурилась, глядя вслед его удаляющейся фигуре:

— Рейнджер, там колесики есть!

— Так пусть и дальше будут. На гравии их оторвет в момент, — хмыкнул он.

Я приподняла бровь, сверля взглядом его спину: такая предусмотрительность и предупредительность застали меня врасплох.

Насторожившись, я подошла к заднему сиденью за рюкзаком. Происходящее подозрительно смахивало на эпизод из «Сумеречной зоны»: красавец мужчина, не лишенный мозгов?!

Одно с другим как-то не вязалось.

Разве что он гей. Да, наверное, гей...

По опыту скажу, что большинство красавцев, которые обходительно держатся и хоть немного дружат с головой, голубые. Это мой любимый тип красавцев. Я начала надеяться, что рейнджер Джетро — из этих.

Выпрямившись с рюкзаком в руках, я увидела, что он стоит справа от своего пикапа и выжидательно глядит на меня, придерживая дверцу. Игривая улыбка не сходила с его лица, а взгляд одобрительно проехался по мне вверх-вниз.

Да-а-а, рейнджер Джетро — совсем не гей.

Я дрогнула и замедлила шаг, потому что внутри, ниже ребер, возникло незнакомое легкое трепетание, вроде короткого замирания. Неужели это влечение?

Однако я не исключала и голод или страх быть убитой.

Я пожалела, что у меня не ловит сотовый. Хотя рейнджер и на службе, я с куда более легким сердцем села бы в машину к незнакомцу, если бы могла кого-то предупредить. Или хоть твитнуть символах в ста сорока: *«Если меня найдут мертвой, прошу винить красивого рейнджера национального парка, которого зовут как тестя Моисея».*